

Т. М. Джани-заде

Тюркский форум в Казани

Т. М. Dzhani-zade

Turkic forum in Kazan

Не часто бывают научные конференции, в которых практически все доклады настолько интересны, что ни минуты не возникает почти уже привычное для подобных мероприятий ощущение скуки и формальной «отчетности». Такова была прошедшая с 14 по 16 ноября в стенах Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова Международная научная конференция «Музыка в диалоге культур. Музыка в тюрко-мусульманском мире: светское и религиозное». Заинтересованность всех участников в раскрытии заявленной темы была очевидной. И это неслучайно, потому что и сама тема, и круг заявленных для обсуждения проблем затрагивали наиболее актуальный вопрос: как проявляется исламский культурный фактор в музыке тюрко-мусульман.

Работу форума предварили приветствия хозяев и гостей конференции — проректора по научной работе Казанской консерватории Ю. С. Карпова, ректора Российского Исламского института и Болгарской Исламской академии Р. М. Мухаметшина (Россия, Казань) и вице-президента Международного совета по традиционной музыке ЮНЕСКО — ИСТМ (Кембридж, Великобритания) Р. Р. Султановой, отметивших значимость научного форума и обозначивших основные направления в его работе.

Ограничение темы культурой тюркоязычных народов не препятствовало разговору об общецивилизационных исторических процессах, свойственных разным народам, странам и регионам, поскольку, судя по раскрываемым докладчиками материалам, ислам, как одна из поздних форм мировых религий, обнаруживал себя не только в религиозных культурах, но и в светских (городских и фольклорных)

традициях, становясь неотъемлемой частью современных национальных культур. Этот тезис подтверждался в ряде сообщений. И в тех, что были обращены к религиозно-обрядовым формам, выделяя особенности в чтении Корана (З. А. Имамутдинова, Государственный институт искусств, Москва) и в ритуале *мевлюд* по случаю рождения пророка Мухаммада — явления, «ожившем» в постсоветское время в Азербайджане (Ф. Х. Халык-заде, Азербайджанская национальная консерватория, Баку), а также в оказавшихся очень интересными выступлениях казанских фольклористов. Они отмечали исламские элементы в семейно-обрядовых традициях пермских татар-мусульман (Э. М. Галимова, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова), в пении татарских колыбельных (Г. Ф. Юнусова, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова), в православных ритуалах татар-крещен (А. Т. Гумерова, Казанская консерватория им. Н. Г. Жиганова), в практической деятельности Фольклорного ансамбля Казанской консерватории им. Н. Г. Жиганова (Л. И. Сарварова, КГК им. Н. Г. Жиганова), в истории формирования музыки устно-профессиональной традиции у волго-уральских мусульман (З. Н. Сайдашева, КГК им. Н. Г. Жиганова). Кроме того неожиданно яркими стали выступления музыковедов из Ашхабада — Д. А. Курбановой и М. К. Курбанова (представителей Министерства культуры Туркменистана и Туркменской национальной консерватории). Они продемонстрировали редкие материалы о религиозных мотивах и образах исламских святых в творчестве туркменских *бахши*, указывая на особенности синкретизма исламских и шаманских признаков в музыке.

Современный поиск идентичности в национальных культурах, который обостряет необходимость демонстрации собственной неповторимости, смещается в наши дни с этнического на цивилизационное. Этот факт отмечается многими. Именно такая тенденция на репрезентацию «своего» через «исламское» была раскрыта в выступлении А. Е. Выхованец,

магистранта политологического отделения Санкт-Петербургского университета. Научные интересы будущего ученого были обращены к актуальным проблемам молодежной культуры на примере афро-американских и европейских рок-ансамблей, выступающих в стилях *hip-hop*, *рэп*, *heavy metal*.

Цивилизационная компонента, представленная нередко смешением разных видов исторических цивилизаций в культуре современных наций, неумолимо диктует ученым обращаться к тем явлениям, что до сих пор мало известны. И музыка в культуре исламизированных государств и регионов, в том числе на постсоветском пространстве — одна из таких областей. Здесь ярко выражаются «напластования» разных культурных сред, специфика которых обусловлена взаимодействиями различных исторических разновидностей и культурных стадий — этнических (фольклор), цивилизационно исламских, древнегреческих, авраамических, христианских, арийско-ведических, средневековых и новых западно-европейских, русских, советских и др. О необходимости различать эти культурные слои музыкальному востоковедению, применяя адекватные методы исследования при выделении, по крайней мере, трех основных типов «культурных общностей», обсуждаемых сегодня в гуманитарных науках — этнической, цивилизационной и национальной — шла речь в докладе Т. М. Джани-заде (Российская академия музыки им. Гнесиных, Москва). В нем главным образом выделялись генеральные признаки исламской цивилизованности и научные проблемы в области изучения музыки тюрков-мусульман. Одной из таких актуальных исследовательских задач — работе с трактатами позднего средневекового периода — был посвящен доклад хорошо известного ученого-историка А. Б. Джумаева (Узбекистан, Ташкент). Он обратил наше внимание на огромное число письменных источников, еще плохо выявленных и изученных, на их тюркское своеобразие, и указал на тесные исторические связи среднеазиатской культуры с культурой

татарской. О тех же тесных контактах татарской духовной элиты в качестве представителей российско-имперских мусульман, с культурой Средней Азии, шла речь в сообщении Г. Р. Сайфуллиной (Нидерланды, Амстердам). Приводимые ею на примере публицистических работ рубежа XIX—XX веков новые факты и высказывания татарских богословов раскрывали не только связи разных регионов внутри исламского мира, но и особое отношение к музыке, ее специфическое понимание представителями мусульманского *фикха*.

Необычно ярким и увлекательным стал доклад этномузыколога и вице-президента Международного совета по традиционной музыке Р. Р. Султановой (Великобритания, Кембридж). Ее рассказ о своей бабушке Фатиме, которая выполняла функцию *абыстай* среди мусульман Оренбурга в досоветской и советской России, не оставил равнодушным никого из присутствующих. В бурной реакции зала на это по существу «антропологическое откровение» Султановой, хорошо известной мировой науке исследовательницы гендерных проблем в культуре исламского мира, актуализировалась животрепещущая тема об институте *абыстай* у татарских женщин, бережно сохраняющих до сих пор исламские книжные и музыкальные традиции.

Не менее захватывающим оказался разговор о роли мистицизма в музыке мусульман. На совпадение многих терминов, употребляемых суфиями и музыкантами, обратил внимание в своем докладе, содержащем большое число тюркоязычных письменных трактатов, турецкий ученый и виртуозный музыкант О. М. Озтурк, прекрасно исполнявший импровизации-*такасим* на сазе (Университет музыки и изящных искусств, Анкара). Та же тема, давно привлекающая внимание отечественных и зарубежных ученых, была с неожиданной стороны представлена в выступлении Г. М. Макарова (КГК им. Н. Г. Жиганова, Казань), который в обращении к суфизму у татар, имеющих поликонфессиональный культурный опыт, по существу указал на возможность сближения

разных духовных практик в изучении эзотерического аспекта исламской музыки.

Конференция показала, что не только для татар, но и для разных мусульманских народов, как зарубежных, так и проживающих в государствах Советского Востока, проблема реконструкции своего исторического прошлого стоит особенно остро. Воссоздать культурную преемственность и восстановить прерванный советским прошлым ход исторического развития — важная задача, которую пытаются решить современные национальные культуры. В реконструкции своей национальной музыкальной истории особенно важно, с моей точки зрения, уйти от специфически советских представлений о нациях, сформированных в 20—30-е годы прошлого века с выделением административных границ по лингво-этническому принципу, но при этом лишенных своего полноценного исторического прошлого. Ведь советская идеология, «замалчивающая» своеобразие истории народов мусульманского Востока, формировала новые цивилизационные критерии. Советское «духовное ядро» определялось неприятием культурой трудящихся культуры буржуазии (т. е. городской элиты) вместе с ее религиозно-национальными ценностями, но с «присвоением» победившим пролетариатом (шире — трудящимися) буржуазных художественных ценностей, в том числе музыкальных, представленных профессиональным нотным композиторским творчеством. Показательно в этом смысле рассуждение советского музыковеда В. М. Беляева, вынужденного в 1929 году выступить публично о своем согласии «с идеологической платформой ВАПМ в ее последней редакции, принятой Ассоциацией пролетарских музыкантов», когда он в своей монографии об узбекских музыкальных инструментах (1933) оценивает в духе вульгарного марксизма культивирование узбеками особой «ноющей» манеры игры на *нае* и *кошнае*: манера эта проистекает либо от «пережитков шаманизма», либо от «покорности судьбе и Аллаху», что свойственно исламу. А потому «узбекская пролетарская музыка» не

может «оставить старую, хотя (в буржуазном смысле) и „национальную“ манеру исполнения на этих инструментах»¹. Так, ученый акцентирует важную для нас сегодня мысль о национальном в советской музыке, о том, что концепции «советских наций» и «буржуазных наций» не совпадают, что формирование «советских наций» и «советских национальных культур» осуществлялось на иных политических и идеологических основаниях, которые не тождественны представлениям о нациях буржуазных, формирование которых начало осуществляться на мусульманском Востоке в XIX веке и было прервано советским национальным строительством.

Советская действительность внесла колоссальные изменения в культуры всех народов СССР. Поэтому изучение этого периода нашей общей истории чрезвычайно актуально на всем постсоветском пространстве. Особую значимость приобретают факты и размышления о взаимодействии национальных элит с советской идеологией — от самого раннего до позднего периодов советской истории. Ощущение необходимости новым взглядом оценить деятельность и творческий вклад национальных советских лидеров (азербайджанского композитора Уз. Гаджибекова, татарского — Н. Г. Жиганова или бухарского назира просвещения А. Фитрата и других джадидов), услышать и понять характер изменений в опусах современных молодых композиторов Востока создается во время докладов ведущих ученых КГК: В. Р. Дулат-Алеева об исламской парадигме в татарской советской музыке и А. Л. Маклыгина о сравнении творческих методов Уз. Гаджибекова и Н. Г. Жиганова. Обращение к творчеству советских композиторов не ради демонстрации достижений национальных композиторских школ, подобно сталинским Декадам или выставкам достижений народного хозяйства, а для выявления новых исторических фактов, новых проблем музыкального творчества, механизмов и принципов взаимодействия между разными культурами и оснований для культурного взаимообогащения,

требует честного и лишенного националистических предпочтений научного разговора среди музыковедов.

Теплая дружеская атмосфера, которая сопровождала научные дискуссии и незабываемые *маджлисы* с музыкой, с обменом научной литературой обнаруживали международный научный опыт, освоенный рядом участников данной конференции, и прежде всего, приобретенный в работе небольших исследовательских групп (Study Group) при Международном совете по традиционной музыке (ICTM, UNESCO). Но при этом еще невольно вспоминался и опыт трех Международных симпозиумов в Самарканде (1978, 1983, 1987), которые проводились по инициативе того же ICTM совместно с СК СССР. Именно это научное мероприятие, сопровождаемое концертными программами, «распахнуло» закрытое «советское окно» в мир международной научной мысли о внеевропейских музыкальных традициях Среднего Востока. Но оно также инициировало впервые в нашей стране разговор по сути об исламских музыкальных ценностях, поскольку фокусировало внимание на таком общецивилизационном феномене, как *маком*, *мугам*, *макам* — на явлениях, ставших атрибутами городской и вполне светской музыкальной классики мусульман. Поворот к религиозному культурному фактору был еще тогда плохо понятен и завуалирован в концепциях устно-профессиональных музыкальных традиций, восточной монодии, в преобладающем обсуждении фольклорных и композиторских практик. Но в изменившемся за прошедшее время мире вопрос об особенностях исламских музыкальных традиций вновь обострился, и желание продолжить научный разговор о них возникало у всех участников нынешней конференции. Неслучайно он состоялся в Татарстане, в Казанской консерватории, которая уже проводила (и тоже достаточно успешно) конференцию на тему «Музыкальная культура в мусульманско-христианском контексте» (Казань, 2009). Очевидный успех нынешней научной конференции был обеспечен этим опытом

и слаженной работой организационного комитета: Л. И. Сарваровой, Г. Р. Сайфуллиной, С. В. Государевой. Чувствовалась большая поддержка происходящего со стороны руководства Казанской консерватории в лице ее ректора Р. К. Абдуллина и проректора по научной работе Ю. С. Карпова. Безупречно проведенное музыковедческое мероприятие обнаружило колоссальный потенциал консерватории и гостеприимство столицы Татарстана, заслужив искреннюю благодарность всех участников конференции.

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: *Джани-заде Т. М.* По следам Великого шелкового пути: исламская музыкальная классика узбекской и таджикской национальных культур и сарты Русского Туркестана // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: Сборник посвящен 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой (1916—2000) / Ред. Т. В. Котюкова. — М.: Исламская книга, 2018. — С. 368—393 [*Dzhani-zade T. M.* Po sledam Velikogo shelkovogo puti: islamskaya muzykal'naya klassika uzbekskoy i tadzhikskoy natsional'nykh kul'tur i sarty Russkogo Turkestana // Oazisy Shelkovogo puti: sovremennyye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniya narodov Tsentral'noy Azii: Sbornik posvyashchen 100-letiyu doktora istoricheskikh nauk Balkis Khalilovny Karmyshevoy (1916—2000) / Red. T. V. Kotyukova. — M.: Islamskaya kniga, 2018. — S. 368—393].